

В горы – познать себя самого

Ульяновец Михаил Сафиуллин – путешественник, альпинист, фотограф. В свои 27 лет он вполне состоялся как личность и профессионал. Он способен на поступки, на которые далеко не каждый решится. Например, будучи уже пятикурсником, отличник по всем предметам, Миша Сафиуллин без сожалений оставил учёбу в Казанском финансово-экономическом институте и начал заниматься фотографией, увлёкся альпинизмом.

Как фотограф он представил в Ульяновске серии своих работ на социальные темы: «Общество», «Будни и праздники», «Служу искусству». Как альпинист покорил немало вершин, в том числе – пик Ленина на Памире, где был в прошлом году в составе группы из Ульяновска в экспедиции, организованной Ульяновским отделением Русского географического общества.

Недавно Михаил вернулся из трёхмесячной поездки в горы Киргизии, откуда привёз фотографии, на которых горы подпирают небо и позволяют приблизиться к синей бесконечности только тем, кто дерзок и безоглядно смел; где безупречно белый снег и чистый воздух врачуют душу, уставшую от городской суеты... Впечатляют продуманность и естественность композиций его работ, умение чувствовать цветовые сочетания и передавать их. Дух романтики, восхищение красотой и первозданностью горных пейзажей, ощущения гармонии природы и скрытых в ней грозных опасностей – всё это молодой автор выплёскивает на зрителя, заражая его своими эмоциями...

Встретившись с Михаилом, мы разговаривали о его путешествиях и фотоработах.

– *Михаил, расскажи о своём последнем путешествии.*

– С друзьями из Зеленоградского альпинистского клуба – я с ними лет пять хожу в горы – ещё зимой договорился отправиться в Киргизию на пики Хан-Тенгри и Победа. 12 июля мы туда вылетели, а в Ульяновск я вернулся только 5 сентября. На Хан-Тенгри ходили по классическому, более простому маршруту. Потом сделали попытку подняться по технически более сложному маршруту, который проходил практически по стене. Не получилось, потому что нам сообщили по радиации, что ожидается плохая погода, и пришлось спуститься. После этого попытались взойти на пик Победы, но развернулись с высоты 6400 метров: дул сильный ветер. Мои товарищи уехали. Потом была неделя непогоды, шёл снег, вертолёты

не летали. Я познакомился с командой из Питера. Это пятеро альпинистов-друзей, почти все – солидного возраста, имеют звания «снежных барсов». Оно даётся покорителям пяти гор высотой в семь километров. С этой командой я сделал ещё одну попытку восхождения. Переночевали на высоте 6900 метров, и вновь из-за непогоды мы вынуждены были вернуться назад.

– *Какой вершиной, какой своей победой над ней гордишься?*

– Трудно сказать, вершины все разные. Вопрос Ваш похож на те, что мне часто задают: какие горы самые красивые? Кто ж его знает... Но на каждое новое восхождение ставлю себе планку: всё выше и выше. Хожу туда, где ещё не был, – по технической сложности или по высоте. И каждое новое

восхождение — всегда преодоление, шаг вверх и самая «крутая» вершина. Пока мой рекорд по высотному классу — Хан-Тенгри, а по техническому — пик Свободная Корея, который тоже находится в Киргизии. Но опять-таки! Были у меня горы с низкой категорией сложности, когда я только учился альпинизму, но из-за очень сложных погодных условий те вершины мне дались гораздо труднее.

— Что тебя тянет в горы? Как ты влюбился в них?

— Да, это любовь! Нам бывает трудно объяснить, почему мы любим того или иного человека. Для меня вершины начались с нашей Майской горы, где есть замечательное место — башня. Потом поехал в Крым, познакомился и подружился там с зеленоградскими альпинистами. С ними начал выезжать в горы и совершать восхождения. В 2007 году впервые поехал на Кавказ на учебные сборы на значок «Альпинист России». Это и была главная точка отсчёта.

— Альпинизм — опасный спорт, риск для жизни, для душевного здоровья. Ведь у тебя на глазах может погибнуть друг, которому ты не сможешь по каким-то причинам помочь. Это не останавливает?

— Меня Бог миловал. Но сейчас уровень моих восхождений такой, что достаточно часто приходится встречаться с моментами, когда люди погибают. Участвовал в спасательных операциях. С одной стороны, это тяжело, но, с другой стороны, — отрезвляет. В городе мы привыкли к мнимой безопасности и думаем, что вечны. Порой проживаем день так, что потом и вспомнить не можем, какими делами он был наполнен. Приезжая в горы, понимаешь

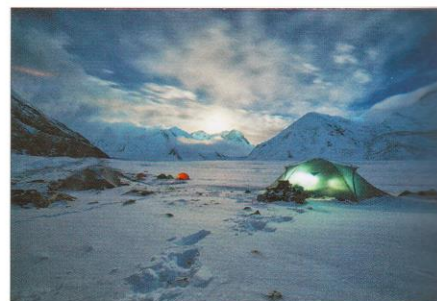
бренность бытия и, возвращаясь вниз, начинаешь думать, зачем тебе то, чем ты здесь занимаешься. После пребывания в горах я каждый день стараюсь прожить с осознанием, зачем я делаю то или это.

— Не было в горах чувства, что человек мал, слаб, зависим от природных стихий и одинок?

— Да, он слаб перед стихиями, слаб своими недостатками — физическими, душевными, духовными. Но он и силен. Это понимаешь, когда стоишь на вершине и видишь сверху свой базовый лагерь с палатками в виде точек, где людей разглядеть невозможно. А вечером, пройдя колоссальное расстояние, спускаешься в этот лагерь и понимаешь: тебе его по силам преодолеть. Это расширяет горизонт представлений о своих возможностях. В горах я никогда не почувствовал одиночества, наоборот, там есть чувство локтя, которое очень ценится в среде тех, кто занимается экстремальными видами спорта. Когда идёшь в одной команде, одной связке, ты знаешь, что тебе помогут чужие люди, они тебя накормят, поселят в палатку. В городе чувства локтя очень не хватает. И в горы я приезжаю, как домой: вижу, что ко мне не безразличны.

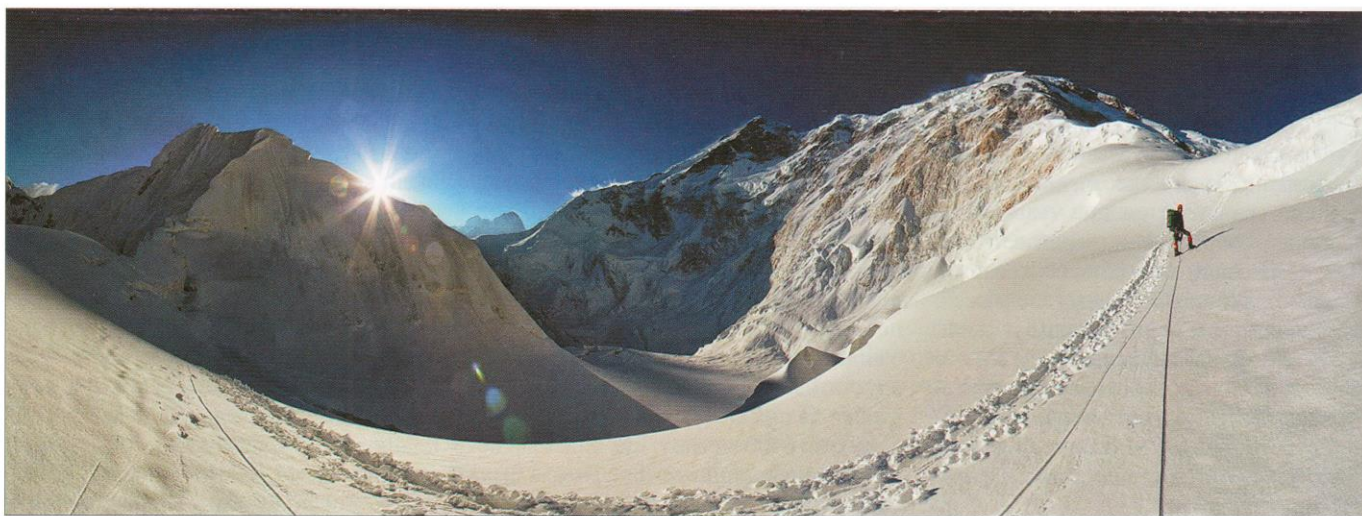
— Ты сказал: меня Бог миловал. Ощущение Бога там особенно явно?

— Мне приходилось попадать в разные ситуации в горах, когда от тебя самого немного зависит. И если везёт, если ты без ощутимых потерь вышел из опасной ситуации, волей-неволей самые прожжённые атеисты задумываются: а ведь есть Нечто... И все говорят: «Слава Богу!». Но на Бога надейся, а сам не плошай...

— Михаил, ты — альпинист не совсем обычный: берёшь с собой фотоаппарат. Для тебя важно запечатлеть то, что ты видишь? Расскажи об этом.

— Ситуации бывают разные. Я порой устаю от своей профессиональной деятельности. Фотография для меня — не развлечение, а труд. Иногда делаю несколько снимков для отчёта. Однако на пике Ленина мной всё же овладел «фотографический зуд». Я начал снимать на сотовый. Потом создал экспозицию, которую назвал по разрешению камеры моего телефона «Памир-0,3». Тем самым я хотел сказать: даже с сотовых телефонов можно делать классные снимки. Сами по себе горы не являются для меня мотивацией, чтобы снимать. Я лучше сяду на камушек, посижу и посмотрю вокруг. Но в последнюю поездку я поставил перед собой цель

принять участие в международных фотографических проектах. Поэтому я не расставался там со своей камерой. Она у меня сейчас «крутая» и весит полтора килограмма. Мои друзья-альпинисты очень критично относятся к весу. Считают каждый грамм. Это со стороны выглядит странно, но когда они покупают в магазине снаряжение, то обязательно смотрят, сколько оно весит. Если разница в пять граммов, то отдают предпочтение более лёгкой вещи. То же — с едой. 400 граммов сухой еды в день на человека и ни грамма больше. Чтобы я мог таскать свой тяжёлый фотоаппарат, друзья распределили по всей группе часть моего груза. Это было решение команды — позволить мне взять с собой фотоаппарат. И я смог работать. То, что получилось, уже высоко оценили специалисты — российские и зарубежные фотографы. Например, немецкий фотограф Heinrich Voelkel, член фотоагентства Ostkreuz. Российский журнал «Риск» для альпинистов и всех, кто занимается экстремальными видами спорта, предложил мне опубликовать на его страницах мои снимки и текст. Возможно, это произойдёт уже в октябре. Кроме того, по своим фотографиям я подготовил пакет открыток, которые будут продаваться в Киргизии. Большинство туристов, приезжающих в эту страну, не сможет попасть в те места, где я снимал, поэтому снимки в какой-то степени компенсируют им этот пробел. Выпуск открыток — это и моя гуманитарная миссия, и бизнес-проект. Есть договорённость с крупнейшей туристической частной компанией, которая базируется в том числе

и в Киргизии. Через них открытки будут распространяться. Для меня это шаг в сторону осуществления мечты.

— **Увидим ли мы твою выставку с этими впечатлениями в Ульяновске?**

— У меня материал для большой экспозиции, но нет смысла выставлять его у нас: дорогая печать, а отдачи не будет. Возможно, буду выставляться в Самаре, Казани или за рубежом. Однако в Ульяновске небольшую фотовыставку всё же сделать стоит. Дело в том, что я сейчас занимаюсь организованной мною фотошколой. И реализация проекта будет связана с её поддержкой. Но если найдётся меценат или культурный фонд, готовый меня поддержать, тогда можно было бы сделать в Ульяновске большую выставку для широкой публики.

— **Пожалуй, главный герой твоих снимков — не горы, а человек, его противостояние и внутреннее единство с ними...**

— Горы снимают все. Для меня они важны в контексте взаимодействия их с человеком и человека с ними. Серия фотографий должна подвести зрителя к пониманию какого-то процесса или события, положения вещей, причём не физического свойства, а духовного или морально-нравственного. Через них я должен помочь людям глубже заглянуть в себя и лучше узнать окружающий мир.

Беседовала

Ирина Морозова

Фото Михаила Сафиуллина

Р. S. Работая над интервью с Михаилом Сафиуллиным, я прочитала его письменные впечатления о поездке на Хан-Тенгри и пик Победы, которые он опубликовал ВКонтакте. Оказалось, что Михаил в разговоре со мной значительно смягчил опасные моменты своего путешествия, описав его очень приблизительно. На самом деле всё было гораздо острее и опаснее. Чтобы читатель полнее ощутил превратности пути к горным высотам, привожу с разрешения Михаила одну выдержку из его текста.

«Мы с Сашей пошли к Хану (пик Хан-Тенгри). Первый день работали на скалах, а вечером вышли на достаточно широкий снежный гребень. Вытоптали на нём площадку, куда поместилась почти вся наша маленькая палатка. Весь следующий день мы боролись за жизнь. Гребень сузился, но снега на нём было очень много. Страховки практически никакой. Я то копал траншею на крутых склонах, загребая инструментом выше головы, спуская снег порциями, чтобы весь склон сразу не уехал, то ходил по снежному краю гребня, рискуя съехать вниз. Апогеем нашего приключения стали снежные «грибы». Если что-то случится, по идее, страхующему надо было прыгать в пропасть по другую сторону гребня. Очень хотелось вызвать вертолёт. В Европе так бы и сделали. Когда я обходил очередной «гриб», он отвалился, и я полетел вниз. Мой напарник Саша сидел верхом на «грибе» раз в десять больше моего. Пока я летел, повернул голову, чтобы посмотреть на Сашу. Я подумал, что если увижу, как он падает с «гриба» (а я мог его запросто сдёрнуть), то вот он, наш конец. К счастью, Саша усидел, а я мягенько приземлился на почти вертикальный склон. Вскарabкался обратно, и было ещё полдня «удовольствия». Вторая ночёвка состоялась на площадке меньше одного коврика. Половина палатки бултыхалась в воздухе, но внутри было очень даже ничего. Утром во время сборов палатка улетела вниз, в руках осталась лишь дуга. Мы довольно долго смотрели ей вслед. Палатки неплохо летают, оказывается...».